
Метя нес страшную бредятину. Слушать это было невыносимо, и я вежливо попросила его прекратить, потому как в противном случае буду вынуждена врезать по уху или еще что нехорошее сделать.

Юрек, мой свойственник, сидевший впереди, повернулся ко мне.

— Эй, слушай, а он нормальный? — спросил он тревожным шепотом.

— Кто?

— Этот, ну тот, который тут сидел только что...

Метя как раз удалялся прочь, радостно хихикая.

— Нет, — сказала я твердо. — То есть в частной жизни, разумеется, он вполне в себе, но здесь у него случается помутнение мозгов. Да ты ведь и сам слышал.

Юрек покачал головой вроде как с укоризненным восхищением, словно размах упомянутого помутнения показался ему весьма внушительным, а потом повернулся к стеклянной перегородке. Пан Мариан вылил чай отчасти себе на штаны, а немного на программу и бинокль и настырно требовал тряпку. Пришла пани Ядзя и вытерла поручни, снисходительно выразив ему свое сочувствие.

Я сидела на своем месте, злая как черт, и пыталась вызвать в себе хоть капельку активности. Я должна немедленно пойти к директору и рассказать ему, что видела. Ведь я собиралась сделать это еще перед заездами, а теперь мне категорически расхотелось. Необычное и подозрительное явление совершенно перестало меня касаться, потому что сперва я обязана была смириться с собственным идиотизмом и обуздать бешенство на самое себя. Ведь знала же я, что первый заезд выиграет дурацкая Эйфория, самая скверная лошадь на свете, не столько даже скверная, сколько весьма старательно скрытая по части таланта от глаз публики. Ведь я ее угадала, я была совершенно уверена, что играть надо ее одну, и, ясное дело, не стала о нее руки марать! Дубина стоеросовая. Ослица. Балда африканская.

Балда не балда, а событием, которое меня отвлекло и усугубило мой нормальный кретинизм, мне бы следовало озадачить не столько себя, сколько кого-то компетентного. Этого мне еще не хватало, черти его принесли, а мне аккурат сегодня прогулок захотелось...

На пленэр за фонтаном я отправилась, чтобы проверить, созрел ли барбарис. В рамках своего

помешательства на зелени я собирала всякие травы и открыла два куста барбариса, которых издаleка не было видно, потому что их заслоняла высокая трава. Один куст был поменьше, зато поближе. Второй, покрупнее, тонул в крапиве и казался совершенно неприступным, и все-таки я питала надежду, что как-нибудь до него доберусь.

Я специально приехала пораньше, чтобы посмотреть на роскошный кустище, который караулила еще с прошлого года. Отметив в кассе свой триплет, я помчалась в заросли. Быстро пересекла пустой газон; вода в фонтане текла звучно и приятно, солнце вышло из-за тучки и вызолотило сентябрьский пейзаж. Было тихо, красочно и спокойно.

Я скатилась с маленького холмика, пробралась сквозь высокую траву, отыскала сухие места на подмокшей земле и принялась зигзагами приближаться к густым зарослям черемухи пополам с терновником, которые заслоняли от меня желанный барбарис. Притоптав крапиву, я развела ветки в стороны, осмотрела кустик, что был поближе и поменьше, и почувствовала страшное разочарование. Ягоды, правда, начинали дозревать, но их было очень мало, нищета страшная, какие-то несчастные две-три штучки поблескивали между листьями, а если вспомнить, что ровно столько было

и в аккуратно подстриженной живой изгороди на газончике... Как мне помнилось, тот, второй куст был богаче, и я поняла, что, ничего не попишешь, придется добираться до него.

Попытавшись продраться напрямик, я обстрекалась крапивой в трех местах сразу и решила найти более безопасный путь. Обходя куст слева, я через несколько шагов едва не потерялась в чаще той же крапивы. Где-то внутри у меня стало нарастать ослиное упрямяство. Я обошла эти джунгли вокруг, попробовала подойти справа; под ногами сделалось мокро и топко, но в совсем уж бездонное болото я не поверила, упрямо пробираясь дальше. Крапивы тут было поменьше, и мне наконец удалось над высоченной травой увидеть ветки.

Оказалось, что предчувствия меня не обманули. Этот куст барбариса обещал больше, чем первый. Дальше я лезть не стала, но уже знала, что именно сюда и приду, когда маленькие розовые ягодки сделаются алыми. С прошлого года куст разросся и сам один представлял собой натуральные джунгли.

Оценивая на глазок будущую свою добычу, я была очень внимательна, и мне показалось, что, кроме зелени, я вижу еще нечто... странное. Увлеченная природой, я дважды скользнула взглядом мимо, не осознавая, что там такое. А вот на

третий раз я поняла, что кроме веток и листьев под кустом барбариса вижу чьи-то ноги. Самые настоящие, в мужских ботинках и штанах. Вернее, они торчали из-под куста. Ноги были совершенно точно человеческие. Переборов минутное обалдение, я решила, что они не отрублены и дальше должно быть какое-нибудь туловище. Потом меня охватило удивление, что при такой пасмурной погоде кто-то еще решился отдыхать, лежа на земле, скажем, загорать, и в душе раскритиковала саму идею проделывать это в колючих кустах на мокрой земле. Потом я опомнилась и собственные мысли обозвала идиотскими. Какое там загорать, кто загорает в одежде, да и солнце-то вышло минут десять назад, а до тех пор были сплошные тучи, кроме того, загорают на лужайке возле цистерны с водой. Какой-то алкаш заснул в барбарисе.

Явление это весьма обычное. Я осмотрелась и обнаружила тропинку в крапиве. Это меня очень обнадежило, я решила, что путь к красненьким ягодкам может быть легче, чем казалось. Пробираясь к тропинке, я еще раз бросила взгляд на спящего алкаша, и вдруг в лучах солнца под кустом что-то будто полыхнуло. Я поколебалась, остановилась, а потом осторожно приблизилась к тому месту, где,

по моим предположениям, покоилась верхняя часть этого пьянчуги.

Может, я его и вовсе не узнала бы, и мне даже не пришло бы в голову, что я вижу Дерчика, кабы не его исключительный экстерьер. Он был рыжим и чудовищно веснушчатым, при этом рыжина его была такой яркой, что глазам при одном взгляде становилось больно. На солнце его покрытая густыми кудрями голова светилась, словно уличный фонарь, а я достаточно часто лицезрела эту картину, чтобы запомнить ее как следует. Лица Дерчика я сейчас как следует не разглядела, да оно, пожалуй, и к лучшему — поскольку его состояние на данный момент противоречило эстетическим идеалам, и рыжей шевелюры мне хватило с лихвой. Только полное недоверие к собственным глазам позволило мне не завопить, не грохнуться в обморок и не рвануть прочь напролом через крапиву, болото и колючки. Я обошла заросли и быстро вернулась в павильон.

По-прежнему не решаясь поверить в то, что видела, я прочитала вывешенный на стене список жокеев. Дерчик значился во втором заезде, его фамилия черным по белому красовалась на листе. Я все еще перечитывала объявление, когда подошел курьер и вывесил рядом с первым листком второй. На

новом листке вместо Дерчика во втором заезде был заявлен старший ученик Гоморек.

— А дальше? — спросила я с интересом.

— Что «дальше»? — подозрительно переспросил курьер.

— В следующих заездах. Дерчика заменили Гомореком во втором, а ведь Дерчик и в следующих едет. О, вот, в четвертом...

— Распоряжений пока нет. Да он еще и прийти может.

В чем, в чем, а в том, что он не придет, я была абсолютно уверена. И стала обдумывать ситуацию.

В любом другом месте и при любых других обстоятельствах я без малейших колебаний оповестила бы всех встречных и поперечных о печальной находке в барбарисе — о знакомом, оказавшемся хладным трупом. А теперь как-то засомневалась. Что будет, если хоть малая толика собравшейся тут толпы помчится в кустарник и на лужайку? Что будет, если, не дай бог, вообще отменят заезды? Что будет, если меня отсюда увезут как самого важного свидетеля и не позволят принять участие в любимом развлечении?

На самом-то деле наиболее правдоподобным предположением могло быть только это последнее. Никакая отмена заездов в расчет входить не может,

при одном таком предположении присутствующая на ипподроме публика способна разнести трибуны на мелкие кусочки. По лужайке носиться тоже никто не станет, люди заняты другими вещами и не станут забивать себе головы мелочами. А вот меня могут и забрать, это точно... Кроме того, я вдруг осознала и еще один аспект рассматриваемой проблемы. Я же в настоящий момент единственный человек, который точно знает, что Дерчик, вне всяких сомнений, ни в одном заезде участия не примет. Не поедет он и в шестом. У меня есть шанс сколотить себе небольшое состояние, сыграв триплет на лошадях, оставшихся от Дерчика. Так может, лучше немного помолчать?..

Для начала я отказалась от мысли сколотить состояние — и совсем даже не потому, что неэтично было бы стервятнически наживаться на внезапной кончине Дерчика, это-то как раз мне представлялось со всех сторон почтенным и правильным делом, — а по двум другим причинам. В пятом заезде, который должен был входить в состав триплета, бежали девять лошадей, и ничего иного не оставалось, как играть «стенку». Это раз. Во-вторых, перед кассой триплетов клубилась дикая толпа. Я не выношу толчеи, и это заставило меня бесповоротно отказаться от обогащения таким способом.

Впрочем, я отказалась и от идеи молчать как рыба. Мне пришло в голову, что Дерчика в конце концов найдет кто-нибудь другой, немедленно разразится скандал, и о моем пребывании за фонтаном станет всем известно. Я там столько травы потоптала, что никто не поверит, будто я могла упустить из виду такую все-таки крупную деталь пейзажа, и на меня падут бог знает какие подозрения. Нет, слишком много риска.

Я решила устроить все как-нибудь потихоньку, камерно и тактично. Врач на месте, полиция, если и приедет, к себе внимания привлекать не станет, поскольку мегафонные призывы прежде обращенные милиции, а теперь полиции раздаются в наши дни так часто, что всем на это плевать. Может, сенсации и удастся избежать...

— Что такое? Гоморек? — сказал вдруг кто-то за моей спиной с большим интересом. — А не Дерчик? Это меняет положение вещей...

— Дерчик не едет? — оживился кто-то другой. — Но это значит, что у лошадки появился шанс?..

Все это время, стоя под вывешенным на стене списком жокеев, я размышляла. Приняв решение, я отправилась на поиски директора, но от пани Зои узнала, что его пока нет, приедет попозже.

Заместителя тоже нет, его сегодня вообще не будет. Складывалось все из рук вон плохо, я подумала было о руководителе бегов, заглянула наугад в несколько комнат, и мне сообщили, что этот специалист отправился в расчетный отдел. Расчетный отдел находился далеко. Остался еще один разумный человек — судья на старте, — который мог взять дело в свои руки и распорядиться всем по-умному. Лошади бродили по паддоку, а я покинула павильон дирекции и зашагала в контору.

Никто из праздношатающихся в проходах между зданиями не смог ответить мне на вопрос, пришел ли Еремиаш. Меня это не удивило, я спрашивала без особой надежды. Начиналась игра, а игроков Еремиаш не интересовал, он никогда в жизни не выдал даже крохи сведений, в какой форме лошади и какие у них шансы, не болтал он о пари, заговорах и интригах; сам он не играл, игрой совершенно не интересовался, чем и славился много лет. Никого не касалось, тут Еремиаш или нет.

Я добралась почти до дверей конторы, когда из них выбежал мальчишка. Должно быть, местный. Я его поймала.

— Слушай, не знаешь, где пан Еремиаш?

— Нет, — ответил тот. — Ну да. Не знаю. Был и ушел куда-то.

Пацаненок тяжело дышал, дрожал и бросал во все стороны перепуганные взгляды. Я с удивлением сообразила, что этот ребенок смертельно боится чего-то или кого-то. Мальчишка оглянулся на двери здания, вырвался у меня из рук и удрал. Помчался он в сторону лошадиных боксов. Я неуверенно заглянула в двери, все еще думая, что же он там мог увидеть такого страшного, но обнаружила только двоих выходящих оттуда мужиков. Одного я знала.

— Скажите, панове, вы, случаем, Еремиаша не видали? — спросила я безнадежно.

— Еремиаша? Да ведь вроде как он только что был, а? — ответил тот, кого я знала.

— Был да сплыл, — поправил его второй. — Кажется, он на конюшнях.

Я вперлась еще в весовую, куда посторонним лицам вход был воспрещен, и убедилась, что Еремиаша и там нет. Времени искать его на конюшнях у меня не было, поскольку раскинулись они на площади свыше ста гектаров. Жокеев выходили с седлами, двое на минутку остановились, я оказалась у них за спиной и услышала всего три слова:

— Почему? — спросил один с явным удивлением.

— Василь велел, — буркнул второй.

Жокеев я видела со спины, поэтому узнала их больше по цветам камзола, чем по фигуре.

Сарновский и Бялас. Едут прямо сейчас в первом заезде.

Директоров не было. Еремиаша не было. Руководитель бегов блуждал где-то в голубой дали. В конце концов меня это рассердило, нет так нет, у меня полно дел, а тут бегай за административными работниками! Могу и подождать, вместо того чтобы заниматься оповещением кого следует. Я посмотрела на фонтан — там не было ни живой души, царило полное спокойствие. И я переключилась на лошадей.

Плохо, видимо, переключилась, потому что забыла про эту чертову Эйфорию. Может быть, еще продолжала рассеянно следить, не появится ли директор, а того все не было. Я окончательно сформулировала мнение о себе самой, поднялась, проверила, не появился ли директор, и с мрачной решимостью принялась использовать в собственных интересах то, что знала о Дерчике, в той мере, какая была мне доступна.

Флориан, на котором должен был ехать Дерчик, а поедет старший ученик Гоморек, носил номер четыре и выглядел замечательно. Я решила играть его с тремя другими лошадьми, поскольку триплета изменить

уже не могла, первый номер мне испакостила Эйфория, но последовательностями еще могла исправить ошибку. Фавориткой во втором заезде была Целия, первый номер, из конюшен расползся слушок, и вся общественность рванулась ставить на Целию. Чихать я хотела на Целию, она мне никогда не нравилась, а ко всяким сплетням у меня испокон веку иммунитет. Я упрямо поставила на то, что хотела, и наконец смогла спокойно устроиться на трибуне, поглядывая одним глазом в сторону директорских кресел.

Пан Эдя, добродушный тяжеловес, исповедовался, что единственный раз в жизни оказался в выигрыше на бегах. Это получилось исключительно благодаря тому, что он выиграл в начале сезона и половину денег одолжил знакомому. Вторую половину он за остаток сезона дочиста проиграл, но то, что одолжил, уцелело, таким образом, он оказался с положительным сальдо.

— А так я всегда в минусе, но не то чтобы очень сильно, — закончил он кротко. — Сейчас играю один-пять за двести.

— Первый заезд, — состроил гримасу полковник на пенсии в штатском. — Так все последовательности можно нарушить.

— Первый не первый, самое главное, что все придут как надо. Целия, почитай, уже за ленточкой!